

Кузен под именем Абельяра обнародовал трактат «О родах и видах» («De generibus et speciebus»), который заведомо не мог принадлежать его перу, в частности потому, что в нем поддерживается этот тезис. Вероятно, автором его был сам Жослен или, по крайней мере, этот труд отражает его учение. Понятие универсальности как совокупности определяется там следующим образом: «Я называю видом не ту сущность человека, которая присутствует только у Сократа или у какого-либо иного индивида, но общую совокупность, которую образует собрание иных единичностей этой природы (*sed totam illam collectionem ex singulis aliis hujus naturae conjunctam*)». Множественный по сути, ибо он состоит из индивидов, народ все же представляет собой группу. Когда говорят «вид», «универсалия», «природа», то к этим понятиям относят именно этот род коллективной реальности. Даже в индивиде вид предстает как разновидность материи, индивидуальностью которой является форма. Так, у Сократа «человек» — это материя, формой которой была бы «сократичность». Именно поэтому «человек» здесь понимается не как материя, общая всем индивидам группы. Сократ обладает своей собственной человечностью, как Платон своей, так что «сократичность», которая формально конституирует Сократа, не встречается больше ни у кого, кроме Сократа; сущность «человек», поддерживаемая «сократичностью» в Сократе, не встречается больше ни у кого, кроме Сократа. Ясно, что здесь едва ли можно говорить о реализме универсалий. Это учение усиленно подчеркивает реальность единичного; приписывая универсальность группе, оно лишь констатирует факт, который следовало бы объяснить. Но разве Абельяр со своим положением о «статусе» достигает большего? Мы видели, что он возражает Жослену, утверждая, что группа следует за индивидами, которые ее образуют. Это очевидно, и мы только что отметили, что Жослен это понимал. Но когда Абельяр говорит, что «статус» Сократа и Платона один и тот же, он тоже не избегает затруднений.

223

2. Петр Абельяр и его противники

Если к этим попыткам решения проблемы прибавить развиваемое Гильбертом Порретанским положение о «сообразности» («*conformitas*»), то нужно признать, что перед Абельяром стояла целая армия реалистов, с которой нужно было сражаться, а разнообразие предлагаемых решений оправдывает забавную усталость Иоанна Солсберийского. Однако среди всех этих учителей можно указать по крайней мере одного, который предвидел серьезные метафизические аспекты проблемы. Это — Аделхард из Бата (Аделхард Батский), англичанин, учившийся в Лане и Туре. Лучшим из того, что было в его познаниях, он обязан любви к путешествиям, которые приводили его в Италию, Сицилию, Грецию и Малую Азию. Его следует рассматривать как одного из первых — после Герберта Орильякского — посредников между арабской наукой и школами Запада. В сочинении Аделхарда «Вопросы природы» («*Quaestiones naturales*») представлены научные аспекты его творчества. Но между 1105 и 1116 гг. он написал трактат «О тождественном и различном» («*De eodem et diverso*») — произведение, состоящее из предназначенной для чтения прозы, из рассчитанных на пение стихов (*chantefable*) и напоминающее этим «Утешение философией» Боэция. Оreo хорошо подметил его значение в истории проблемы универсалий. Приступая к своему анализу в духе номинализма, Аделхард определяет род и вид как имена вещей, которые они содержат («*rerum subjectarum nomina sunt*»). Следовательно, у Аристотеля были основания утверждать, что они существуют только в индивидах; но такой способ существования не означает, что они ничто. Каждое видимое существо является одновременно и в равной степени индивидом, видом и родом в соответствии с тем, насколько глубоко проникает в него наше зрение и мышление — а здесь оказывается прав Платон. Познание существа как